

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

Солнечный свет льется отовсюду, даже снизу, где нет — по крайней мере, до сегодняшнего дня точно не было — никаких небес, только густая трава, черная земля, белый песок и разноцветные камни.

Притом что вроде бы скоро вечер. Теоретически. По идее. Мда.

До сих пор у Триши никогда не было проблем с определением времени суток, ей даже на часы смотреть не надо, потому что это только кажется, будто время течет снаружи, на самом деле оно — внутри, и самые точные часы — там же. Но сейчас она что-то засомневалась. Вполне может оказаться, что снаружи все-таки есть какое-то время, более или менее общее для всех, или почти. И, возможно, некоторые люди умеют настраивать его по собственным внутренним часам.

И мы знаем, кто эти люди, думает Триша, глядя на Макса. Уж если в Городе сейчас его время — все, пиши пропало. Как теперь понять, когда готовить ужин, а когда, напротив, идти на рынок, — неизвестно. Впрочем, может быть, Франк все-таки разберется

и подскажет? Если речь заходит о чем-то по-настоящему серьезном вроде ужина, на него можно положиться. Вполне. Наверное. Теоретически. По идее. Мда.

Чтобы отвлечься от тревожных размышлений, Триша прислушивается к беседе, текущей под деревом, на которое она забралась, чтобы нарвать спелых груш, да так и застыла, задумавшись о времени.

— Не знаю даже, что представляются мне более удивительным, — говорит Шуфф Лонли-Локли. — Сама по себе возможность почти каждый вечер, покончив с делами, отправляться в странствие между Мирами, как другие люди ходят в трактир, или тот факт, что теперь, когда тебя, строго говоря, нигде нет, мы видимся даже чаще, чем в то время, когда жили в одном городе и ходили на службу в Дом у Моста.

— На самом деле по-разному бывало. Помнишь, когда я переехал в Мохнатый Дом, ты у меня там практически поселился. Даже домашнюю обувь завел и сменную одежду в шкафу держал. Понятно, что ты навещал не столько меня, сколько остатки библиотечных архивов, но все-таки я к ним некоторым образом прилагался.

— Ну, по правде сказать, не так уж много интересного там нашлось. На первые несколько дней мне хватило, а потом приходилось приносить книги с собой.

— С собой? — изумленно переспрашивает Макс. — Ну ничего себе. Я-то за тебя радовался, думал — дрочился человек до сокровищницы. Но в чем тогда заключался тайный смысл твоих ежедневных визитов?

— В том, что после того, как леди Теххи нас покинула, тебя не следовало надолго оставлять одного. Впрочем, ненадолго тоже не следовало. Если бы я поселился в твоём доме просто так, без всякого повода, это выглядело бы довольно эксцентрично. Да и чрезмерная опека тебя всегда бесила. А остатки старой библиотеки — это был прекрасный предлог. Благо мое помешательство на книгах к тому моменту не вызывало у тебя никаких сомнений.

— Спасибо, — говорит Макс. — Надо же, какие страшные тайны то и дело открываются тут. Чем дальше, тем страшнее. Таково роковое влияние этого зловещего места!

«С каких это пор наша “Кофейная гуца” — зловещее место? — озадаченно думает Триша. — Или это просто такая шутка?»

Но спрашивать не имеет смысла. Совершенно бесполезно выяснять у Макса, шутит он или говорит всерьёз. Потому что в большинстве случаев он сам этого не знает, а когда знает, все равно смеется — дескать, какая разница? И по интонации не угадаешь. И даже если в глаза заглянуть, не поймешь. И вообще никак.

Макс тем временем продолжает, вдохновенно размахивая руками:

— А кстати, о роковом зловещем влиянии. Слушай, до меня только сейчас дошло: истории, которые мы тут время от времени друг другу рассказываем, все как на подбор были про призраков. Ну точно! У Меламори был призрак туланского сыщика, в истории Джуффина про Гажин призраков вообще несколько сотен. И Кофа о призраке отца своего рассказывал,

когда приходил. И этот красавец, которого наивные мы привыкли считать обыкновенным сэром Мелифаро, туда же. И только мы с тобой так и не рассказали ни одной истории о привидениях. Все о себе да о работе. Какие-то мы, получается, унылые реалисты. Ты как хочешь, а я твердо намерен исправиться. Нет ничего лучше хорошей истории о привидениях, рассказанной на ночь. Особенно если выключить свет, принести одеяла и залезть под них с головой, чтобы побояться всласть, как только в детстве получалось.

— А одеяла-то зачем? — изумляется Лонли-Локли. — Разве у одеял есть свойство усиливать страх?

— Конечно, нет. Скорее наоборот. Вот именно поэтому они и нужны. Я же говорю — чтобы как в детстве. Страшно, но не по-настоящему. Впрочем, в твоём-то детстве все было иначе.

— А мне человеческого детства вообще не досталось, — говорит Триша, свешиваясь с дерева. — Я была уже довольно взрослая кошка, когда Франк меня превратил. Поэтому я тоже не понимаю, зачем выключать свет и приносить одеяла. И как можно бояться всласть. Страх — это же очень неприятное чувство, разве нет? Но ладно, пусть все будет, как ты хочешь. Я принесу столько одеял, сколько нужно. И погашу все лампы. И... Что-нибудь еще надо?

Так разволновалась, что спрыгнула на землю, оставив лукошко с грушами болтаться на ветке. Не до них сейчас.

— Надо. Уговори Франка сварить «Огненный рай». На таких условиях я, пожалуй, расскажу свою историю о призраках.

Лонли-Локли *глядит* на него с таким интересом, словно впервые увидел.

— Не о наших ли общих знакомых?

— Ну да. Если, конечно, у тебя нет возражений.

— Ну что ты. Мне будет приятно все это вспомнить. И заодно узнать подробности, выпрашивать которые мне прежде казалось бестактным.

Надо же, думает Триша. Вот это повезло так повезло.

Шурф Лонли-Локли уже давно появляется в «Кофейной гуще» на правах постоянного клиента. Только и разницы, что заходит не с улицы, а со стороны сада, с влажными от тумана волосами. Но ведет себя, как будто живет по соседству — просит у Франка кружку чаю, пьет его за стойкой или в саду, на качелях, а потом уходит гулять. Порой возвращается к ужину, но чаще появляется только день-два спустя. Снова присаживается у стойки, просит чаю, все как обычно. Триша ему всегда рада, но ничего особенного от его визитов давно уже не ждет.

«Ничего особенного» — это значит, никаких посиделок с песочными часами в центре стола. И никаких историй. Не ждет же она рассказов от Алисы, Марка, Фанни и других соседей. И тем более от Макса. Он-то здесь уже давно не гость и даже не клиент, живет при «Кофейной гуще», можно сказать, на кошиачьих правах — спит, ест, уходит и возвращается когда захочет, ему всегда рады и не спрашивают, где шлялся. Впрочем, Триша, чье любопытство всегда было сильнее робости, порой все-таки интересуется и всегда получает неизменный ответ: «Да так, везде понемножку». Спасибо

большое за содержательный подробный отчет, дорогой друг. Лучшее бы уж ты мяукал. По крайней мере, из одного-единственного «мяу» Триша извлекла бы гораздо больше полезной информации.

И кофе Макс, конечно же, даром достается, сколько пожелает. С домочадцев плату не берут. И вдруг он сам вызвался историю рассказать. Ну и дела!

— Но только в обмен на «Огненный рай», — улыбается Макс. — Иначе не играю.

Значит, точно будет история, думает Триша. Такими вещами, как «Огненный рай», не шутят. По крайней мере, Макс ни за что не стал бы.

Она несется к дому так стремительно, будто за ней гонятся персонажи всех страшных сказок разом, даром что Триша их никогда не слушала и тем более не рассказывала.

— Франк! — кричит Триша, врываясь на кухню. — Франк!

Хотя зачем кричать? Франк — вот он, в двух шагах буквально, шепотом можно с ним разговаривать.

— Если ты сейчас скажешь, что тебя обижают вредные мальчишки, я, пожалуй, удивлюсь, — говорит он. — Наши гости, конечно, страсть какие злые колдуньи, но не настолько же.

— Меня не обижают, ты что. Наоборот! Макс сказал, что если я уговорю тебя сварить «Огненный рай»...

— Он бросит к моим ногам весь мир? И пару дюжин звезд с неба достанет в придачу? Ладно, я подумаю. Хотя представления не имею, где мы все это будем складывать.

— Да ну, ерунда какая, — Триша от нетерпения машет руками. — Макс тогда расскажет историю. Обещал, что про призраков. Говорит, еще надо будет погасить свет и залезть под одеяла, но я думаю: может, это не обязательно? Может, это он так шутит?

— Он-то, ясное дело, шутит, но лампы все равно можно погасить. А чтобы чашку мимо рта никто не пронес, зажжем свечи. Давно мы при свечах не сидели, а от них тени веселые, тонкие, прыгучие, одно удовольствие иметь с ними дело.

— А одеяла? — спрашивает Триша. — Мы закутаемся в одеяла? Даже интересно попробовать, как это.

— Если интересно, значит, попробуешь.

— Только надо, чтобы наступила ночь. Ну, чтобы солнце все-таки зашло, — говорит Триша. — А оно почему-то светит, как в полдень. Отовсюду сразу.

— Ничего, зайдет как миленькое. Еще немного покуролесит — и зайдет, вот увидишь.

— Ну, не то чтобы идеально, — вздыхает Макс. — Сидеть, закутавшись в одеяла, — это, конечно, не лежать. И кафе у тебя, Франк, какое-то, я бы сказал, безнадежно уютное. Захочешь страху нагнать, а не выйдет, хоть сам призраком становись и вой поднимай. Впрочем, все равно хорошо.

— Надеюсь, твоя история стоит всех этих хлопот? — спрашивает Франк, снимая с плиты джезvu с обещанным «Огненным раем».

— И я надеюсь. История что надо. По крайней мере, призраков там будет — завались. И прочие

леденящие кровь тайны, по большей части чужие. Включая драматическое повествование о том, как я злодейски наложил страшное заклятие на своего лучшего друга. Впрочем, не просто с его ведома, а по его наущению. И даже под его деятельным руководством, сам-то я ни черта не умел. Но все равно.

— Это был очень великодушный поступок, — говорит Шуфф Лонли-Локли. — Проще было оставить меня в неведении. И хлопотать с заклятием не пришлось бы.

— Конечно, проще. Но я бы тогда вконец извелся.

— А сейчас изводимся мы с Тришей, — смеется Франк. — Хватит уже невнятных намеков. Рассказывай по порядку.

— Я просто заполняю паузу. Жду, пока ты поставишь на стол свои песочные часы.

— Уже поставил.

Триша готова поклясться, только что никаких часов на столе не было. Уж кто-кто, а она в полумраке видит не хуже, чем на свету. А теперь, гляди-ка, действительно стоят. И время пошло. Другое время.

